

УДК 811.351.14/16

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-102-112

О ЯЗЫКОВЫХ СОЮЗАХ В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА С ЯЗЫКАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА. ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И АРЕАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Мугумова А.Л.¹, Гусейнов Г.-Р.А.-К.²

¹ Дагестанский государственный педагогический университет
367003, г. Махачкала, ул. Ярагского, д. 57, Республика Дагестан,
Российская Федерация

² Дагестанский государственный университет
367000, г. Махачкала, ул. Гаджиева, д. 43А, Республика Дагестан,
Российская Федерация

Аннотация. Основная цель статьи – критическое рассмотрение попытки одного из современных исследователей дополнительно аргументировать материалом нахских языков гипотезу Вацлава Поляка о славяно-кавказском языковом союзе. Она уже была негативно оценена исследователями, в том числе автором данной статьи. В результате произведённого анализа языковых и историко-лингвистических данных, которые были привлечены для обоснования подобного союза для нахских и славянских языков, была установлена их полная теоретическая и практическая несостоятельность.

Ключевые слова: славяно-кавказский языковой союз, историко-лингвистический и ареальный аспекты.

ABOUT THE LANGUAGE UNIONS IN THE HISTORY OF ANCIENT RELATIONSHIP OF RUSSIAN WITH THE NORTH CAUCASUS LANGUAGES. HISTORICAL LINGUISTIC AND AREAL ASPECTS

A. Mugumova, G.-R. Gusejnov

Dagestan State Pedagogical University
57, Yaragskogo st., Makhachkala, 367003, Republic of Dagestan, Russian Federation
Dagestan State University

43A, Gadzhieva st., Makhachkala, 367000, Republic of Dagestan, Russian Federation

Abstract. The main objective of the article is to critically examine the attempt of one of the modern researchers to justify with the material of Nakh languages Václav Polyak's hypothesis about the Slavic-Caucasian language union. It was already criticized by researchers, including the author of the article. As a result of the made analysis of language and historical and linguistic data, which were used to justify a similar union of Nakh and Slavic languages, the authors provide their full theoretical and practical insolvency.

Key words: Slavic-Caucasian language union, historical-linguistic and areal aspects.

На сегодняшний день исследование истории взаимоотношений и обусловивших их контактов русского языка с языками народов Северного Кавказа отличается в целом сравнительно высоким уровнем своей изученности. Имея в виду их историю до начала XVIII в., максимально продвинутыми в рассматриваемом аспекте являются языки нахско-дагестанских и тюркских народов Северо-Восточного Кавказа [см. 8].

Что касается более однородного языкового ландшафта Центрального и Западного Кавказа, то специальные исследования, посвящённые данной проблематике, здесь не известны, за исключением наблюдений, посвящённых отдельным лексическим фактам. На их основе были сделаны в своё время, в основном во второй половине XX в., выводы, надёжность которых вызывает значительные сомнения, что отражает вместе с тем общий уровень развития контактологического языкознания того времени.

Их детальный анализ не входит в число задач данной работы, если иметь в виду утверждения о том, что заимствование русских слов в адыгские языки имеет место ещё задолго до образования Киевской Руси, когда между славянами и адыгами существовали торговые, военные и религиозные связи, ибо «древние славяне еще с V–VI веков общаются с адыгами» [3, с. 21]. Вышеозначенное относится и к утверждениям аналогичного порядка, связанным с осетинским языком и древней историей его носителей, ибо, как полагали некоторые из известных его исследователей, контакты скифо-сарматско-аланских племён со славянским миром начинаются с IV в.

н. э., т. е. до распада праславянского языка [1, с. 134–136], как (см. выше) и в отношении адыгов. Полагали также, что «процесс заимствования слов из русского языка в осетинский начался, видимо, еще до монгольского нашествия» [21, с. 213].

Как известно, причиной появления заимствований в том или ином языке являются языковые контакты, к числу следствий которых относятся и языковые союзы [16, с. 134]. Понятие и термин «языковой союз» были впервые сформулированы в статье Н.С. Трубецкого «Вавилонская башня и в смешение языков» (1923), в которой в качестве его примера (Балканский языковой союз) в Европе он назвал балканские языки (болгарский, румынский, албанский и новогреческий), принадлежавшие к совершенно разным ветвям индоевропейской семьи [22]. Уже в 1926 г. Кр. Сандфельд произвёл первое систематическое исследование и интерпретацию всего корпуса балканизмов в грамматике, фразеологии и лексике [26] ([ср. 18]), а в 1930 г. Н.С. Трубецкой писал о языковом союзе как о любой, в принципе, «совокупности языков, обнаруживающих существенное сходство в синтаксическом плане, в принципах морфологического строя, в некотором числе общих культурных слов, а иногда также и внешние аналогии в звуковой системе, но без обязательного сопровождения их закономерными фонетическими корреспонденциями» [27].

В 1946 г. чешский учёный Вацлав Поляк обнаружил концепцию славянско-кавказского языкового союза, возникновение которого было обусловлено, как он полагал, прямым контактом предков некоторых народов

Кавказа с праславянскими жителями части южнорусских степей, о чём свидетельствует заслуживающий, на его взгляд, внимания расцвет типичной кубанско-терской бронзовой культуры, которая проникла в черноморские южнорусские степи до Дуная¹. К свидетельствам, подтверждающим историческое пребывание носителей кавказских языков в ареальной смежной со славянами области, он отнёс ранее упоминавшиеся в западноевропейской лингвистической литературе лексические сходства между славянскими и кавказским языками – картвельскими и восточнокавказскими, главным образом, дагестанскими. Предложенный союз рассматривался им как проявление конвергентного сближения в рамках евразийского союза [25, S. 27].

Евразийский союз, постулировавшийся ещё в 1931 г. Р.О. Якобсоном, носил одноуровневый фонологический характер [см. 23] и включал большое число языков Европы и Азии, как, в принципе, с ареальной точки зрения, и славяно-кавказский языковой союз, постулированный В. Поляком. Однако при этом следует иметь в виду, что лежащее в основе концепции

¹ Сравнительно недавно данная культура была интерпретирована иным образом – как результат «смешения куро-аракской (картвельской) культуры, продвинувшейся из Закавказья, со степной кубано-днепровской (индоарийской) – из Прикубанья», что поддерживается, на взгляд автора данной концепции, тем, что индоарийские заимствования в картвельской и грузинско-занской общностях являются следствием продвижения переднеазиатских индоариев из Северного Причерноморья через Кавказ (критический анализ её языкового аспекта см. Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А.Л. Ещё раз об индоевропеизации Кавказа (по данным лингвистики) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2017. Вып. XXI. С. 185–193).

евразийского союза противопоставление согласных по мягкости-твёрдости, считающееся одним из наиболее бесспорных из его проявлений, оказывается известным широкому кругу ностратических языков, включая славянский, тохарский, финно-угорский и тюркский [10, с. 325–326], но никак не проявляет себя в каком-либо из не относящихся к ностратическим так называемых кавказских языков, прежде всего тех, лексические материалы которых использовались В. Поляком.

Следует отметить, что интерес к соответствующей проблематике, связанной в основном с Балканским языковым союзом [4; с. 25], а также с другими языковыми союзами [20], имеющими в том числе отношение к кавказским языкам [2], сохраняется и в настоящее время. Не исключено, что укреплению концепции В. Поляка могла способствовать публикация в выходившем с 1922 г. в Праге журнале “Slavia” статьи В.А. Пархоменко, в которой говорилось о «значительном скоплении восточнославянских масс» между Волгой, Доном и Кавказскими горами с VII, если не с VI века» [17, с. 380]. Последнее, в принципе, является явным ареальным и историческим анахронизмом, если принять во внимание время и место выделения восточных славян из праславянской общности, о которой см. в последующем изложении.

Речь, по всей видимости, идёт о так называемых «сакалиба», которых ещё досоветские российские историки отождествляли со славянами. Не случайно, имея в виду дискуссионный характер соответствующего вопроса, примерно в то же время ещё В.В. Мавродин полагал, что «вряд ли следует

отрицать наличие славян в составе «сакалибов» на Дону и на Кавказе, правда, не в виде сплошного населения, как это предполагал В.А. Пархоменко, а в виде отдельных поселений, родов и племен» [15, с. 18]. При этом, имея в виду обозначенные хронологические рамки статьи – X–XIV вв. – следует полагать, что речь в его статье должна идти о древнерусском, но не праславянском населении рассматриваемого региона.

Кроме того, под вышеупомянутыми сакалиба мог подразумеваться, как до сих пор полагают некоторые исследователи, и тюркоязычный этнос, если иметь в виду, в частности, его упоминание арабскими авторами и в Дагестане¹. Тем более, что с сакалиба чаще всего арабы ассоциировали тюрок – волжских булгар и куманов [19], которые были представлены и на Северном Кавказе. Не случайно, надо полагать, что арабский географ Ибн-ал-Факих (около 903 г.), писал, что гора Кабк (Кавказ), в пределах которой находится нынешний Дагестан, «соседит со страной греков до границ алан и доходит до страны славян. На ней есть также род славян, остальные армяне...» [15, с. 17].

Однако уже в примечании к статье В. Поляка известный чешский лингвист Вацлав Махек (1894–1965) весьма обоснованно, как будет показано в последующем изложении в связи с другой концепцией аналогичного порядка,

¹ См.: Гусейнов Г.-Р. А.-К. Праславяне-сакалиба на Волге, Дону и в Дагестане в аспекте древних взаимоотношений русского языка с тюркскими языками народов Северо-Восточного Кавказа и «аргумент ржи» // IX Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие». М.: Икар, 2008. С. 11–18.

указывал, что нескольких лексических схождений явно недостаточно для тех далеко идущих выводов, которые делает её автор. Тем более, что между славянами и кавказцами не было прямого соседства, а толкование собственных имён (анты, киммерийцы) на кавказском языковом материале, как и соединение этнических групп с определёнными праисторическими культурами, только возможность и ничего больше [см. 25, с. 30 сноски 1].

В дальнейшем несостоятельность концепции славянско-кавказского языкового союза В. Поляка (1946) и была показана нами [см. 9; 24], что приобрело в последующем хрестоматийный характер [см. 11, с. 173–174]. Однако сравнительно недавно к концепции славянско-кавказского союза вновь обратился, также на базе лексики и отчасти морфологии нахских (чеченского, ингушского и бацбийского) языков, А.Д. Вагапов, который первоначально в своей монографии посредством столь же неквалифицированного, как В. Поляк, рассмотрения лексических сходств, игнорируя необходимый в подобных случаях учёт сопутствующих ареальных и исторических фактов, априорно исходил из того, что «многочисленные письменные источники свидетельствуют о том, что славянские и северокавказские племена, по крайней мере, с VI–VII веков интенсивно контактировали на обширной территории от Северного Кавказа до Северного Причерноморья» [7, с. 16].

И в последующем в своей кандидатской диссертации он продолжает утверждать, что «материалы славянских и нахских языков, рассматриваемые в плане ареальной лингвистики, дадут

дополнительный импульс и вектор в изучении истории славянских и нахских языков с точки зрения языкового союза В. Поляка» [5, с. 5; 6, с. 4].

Соответственно цель настоящей публикации заключается в критическом рассмотрении дополнительной аргументации гипотезы Вацлава Поляка о славяно-кавказском языковом союзе, предпринятой А.Д. Вагаповым на материале нахских языков. Предметом нашей статьи является в соответствии с указанной выше её целью анализ теоретических положений исследования А.Д. Вагапова с привлечением дополнительных историко-лингвистических и ареальных материалов.

При этом создаётся впечатление, что лейтмотивом монографии А.Д. Вагапова (издана в 1994 г.), в которой были обнародованы основные положения концепции автора, является следующее из них, возможно, ангажированное известными событиями конца XX в. в регионе: о несостоятельности «антинаучных заявлений некоторых историков об отсутствии до XVI века [время появления первых русских поселенцев-казаков] постоянного вайнахского населения на плоскости, особенно затеречных районов» [7, с. 16] (последние с их абсолютно преобладавшим русским населением были включены в состав республики только в 1957 г.).

В кандидатской диссертации это положение было заменено А.Д. Вагаповым иным, более неопределённым и обтекаемым тезисом, согласно которому её научная новизна «заключается в том, что она даёт определенные основания говорить о том, что имели место длительные и интенсивные славяно-нахские связи с древнейших времён.

Не убедительна, на наш [А.Д. Вагапова] взгляд, противоположная точка зрения о том, что контакты чеченского языка с русским представляют позднейший этап в истории чеченской лексики дооктябрьского периода, начало которого относят к дооктябрьскому периоду» [6, с. 4–5], с добавлением в заключительной части автореферата: «и что все контакты вайнахов с внешним миром происходили непременно через посредство тюрков или алано-осетин» [5, с. 15].

Известно, что подобный характер контактов присущ практически всем языкам бывшего СССР, которые исторически не имели непосредственного территориально смежного контакта с носителями славянских, а также русского языков, при том, что тюркские языки имеют достаточно древнюю историю непосредственных взаимоотношений со славянскими языками [13]. Тем более, что какие-либо достоверные исторические и языковые данные о том, что «имели место длительные и интенсивные славяно-нахские связи с древнейших времён», на сегодняшний день неизвестны.

Так, праславянская языковая общность существовала до её распада в конце I тыс. н. э. (V–VII вв. н. э.), как, в принципе, и пранахская, единство которой имело место до середины I тыс. до н. э. Первая локализуется в тех или иных ареалах, территориально значительно отдалённых от Северо-Восточного Кавказа, где проживают носители вайнахских (чеченского и ингушского) языков, вторая – висло-одерском, среднедунайском или среднеднепровском. Предки вайнахов – пранахи – только с эпохи Золотой Орды, в конце раннего–начале позднего средневеко-

вья, начинают двигаться из Закавказья к северу и лишь затем, в позднем средневековье, начинается миграция вайнахов к востоку (будущие чеченцы) и к западу (будущие ингуши) [см.: 8, с. 9–10; 14, с. 21].

Однако, как полагает, вопреки вышеизложенному, А.Д. Вагапов, «...основная масса наиболее ранних и прочно вошедших в словарный состав нахского языка заимствований обязана своим происхождением индоевропейским языкам, в частности, славянским. Влияние индоевропейской лексики на нахскую было не только наиболее ранним по времени, но и наиболее сильным по воздействию в процессе формирования словарного состава нахского языка» [5, с. 5; 6, с. 4].

Соответственно какие-либо свидетельства индоевропейского воздействия на нахский не приводятся, но свою квалификационную работу А.Д. Вагапов завершает утверждением, что «всё это свидетельствует о длительных и интенсивных славяно-нахских связях с древнейших времен, а значит не соответствует фактам вывод Г.-Р. Гусейнова [см. 9, с. 171] о том, что контакты чеченского языка с русским представляют позднейший этап в истории чеченской лексики дооктябрьского периода». Затем, воспроизведя дословно приведённый в предшествующем изложении отрывок («Напротив, основная масса наиболее ранних и прочно вошедших в словарный состав нахского языка заимствований обязана своим происхождением индоевропейским языкам, в частности, славянским»), А.Д. Вагапов приводит в изменённом виде ещё один уже цитировавшийся нами выше отрывок, ср.: «Влияние индоевропейской

лексики на нахскую (если речь идёт о возможном в принципе отдалённом генетическом родстве этих языков) было не только наиболее ранним по времени, но и наиболее сильным по воздействию в процессе формирования словарного состава нахского языка. Полученные результаты дают, безусловно, дополнительную аргументацию гипотезы Вацлава Полака о славяно-кавказском языковом союзе. Дальнейшие исследования в данном направлении, надо полагать, дадут ещё более веские доказательства её истинности» [6, с. 208–209].

Так, в вышеуказанном отношении А.Д. Вагапов воспроизводит положение, содержащееся в его монографии, по которому «индоевропейские и нахские языки состоят в более близких генетических отношениях, чем нахские и дагестанские»¹, но далее продолжает: «Рассматриваемый... лексический материал как будто [курсив наш, – А.М., Г.-Р.Г.] свидетельствует в пользу по-

¹ Об их невозможности см.: Гусейнов Г.-Р. А.К. Об одной новейшей концепции взаимных отношений нахских и славянских языков // Тезисы докладов II Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». Симпозиум III. Ч. I. Пятигорск: ПГЛУ, 1998. С. 122–125; Гусейнов Г.-Р. А.-К. Некоторые языковые аспекты (вай)нахского этногенеза. К вопросу о древнейших взаимосвязях (вай)нахских и славянских (индоевропейских) языков в историко-лингвистическом, лексико-статистическом и ареальном контексте // Тезисы докладов Девятого международного colloквиума Европейского общества кавказоведов. Махачкала: Институт языка, литературы и искусства ДНЦ РАН, 1998. С. 208–210; Гусейнов Г.-Р. А.-К. (Восточно)кавказский или индоевропейский? Об одной новейшей концепции генетической принадлежности нахских языков // Тезисы докладов XI Colloквиума Европейского Общества Кавказоведов. М.: Макс-Пресс, 2002. С. 31.

следней точки зрения» [7, с. 6]. Видимо, поэтому в автореферате им приводятся не подкреплённые какими-либо доводами «примеры» [5, с. 16–17] лексических сходств нахских языков с материалом некоторых германских, в т. ч. древних, языков. По его мнению, они якобы «наглядно свидетельствуют о непосредственных и, по всей видимости, длительных контактах вайнахских племен с населением Восточно-Европейской равнины» не только со славянами, но и варягами».

Однако в текст его диссертации они по непонятным причинам так и не вошли. И не случайно, как справедливо указывал выдающийся кавказовед Г.А. Климов [12, с. 7]: «Несмотря на обилие самых различных и иногда уже давно сформулированных гипотез..., совершенно неясными остаются генетические взаимоотношения кавказских языков или их отдельных групп с другими языками. Адептами этих гипотез являются, как правило, авторы,

поверхностно знакомые с материалом этих языков».

Таким образом, предполагать какие-либо непосредственные взаимосвязи пранахов с праславянами даже а posteriori не представляется возможным в силу отсутствия территориальной смежности ареалов проживания их носителей. И в послезолотоордынское время начало установления самих русско-чеченских связей, которое имело место в Притеречной зоне, где проживали терские казаки, относится лишь к концу XVII–началу XVIII вв.¹. Именно с этого времени, подобно другим народам Северного Кавказа, и стали развиваться русско-чеченские языковые связи.

Статья поступила в редакцию 30.08.2018 г.

¹ Гусейнов Г.-Р. А.-К. О (старо)кумыкском происхождении гребенских казаков-гуноевцев в контексте вопроса об этноязыковой принадлежности средневекового населения Терско-Сулакского междуречья // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 130–138.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965. 168 с.
2. Алексеев М.Е. Кавказский языковой союз или кавказские языковые союзы? // Тезисы докладов конференции «Языковые союзы в Евразии». М.: Институт языкознания РАН, 2005. С. 9–10.
3. Апажев М.Л. Влияние русского языка на кабардинский. Вопросы лексики, семантики, фонетики: дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1963. 152 с.
4. Балканское языкознание: итоги и перспективы (материалы румынско-русского симпозиума, Санкт-Петербург, 2–3 октября 2009 г.) // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2009. Т. V. Ч. 1. с. 5–338.
5. Вагапов А.Д. Нахско-славянские лексические изоглоссы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Грозный, 2005. 19 с.
6. Вагапов А.Д. Нахско-славянские лексические изоглоссы: дисс. ... канд. филол. наук. Грозный, 2005. 245 с.
7. Вагапов А.Д. Славяно-нахские лексические параллели. Грозный, 1994. 191 с.
8. Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений русского языка с языками народов Северо-Восточного Кавказа и Дагестана. Махачкала: ИП Овчинников, 2010. 214 с.

9. Гусейнов Г.-Р. А.-К. К истории чеченской лексики (на материале русско-чеченских языковых контактов): дисс. ... канд. филол. наук. Грозный, 1979. 178 с.
10. Иванов Вяч. Вс. Контакты праславянского языка с тохарским // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1998. С. 325–330.
11. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986. 209 с.
12. Климов Г.А. Кавказские языки // Дагестанский лингвистический сборник. М.: Academia, 1997. С. 7–10.
13. Кожевникова Е.А. Тюркизмы в современном русском языке // Грани познания (электронное периодическое издание). 2009. № 1(2). URL: <http://www.grani.vspu.ru> (дата обращения: 5.08.2018).
14. Коряков Ю.Б. Атлас кавказских языков. М.: Пилигрим, 2006. 76 с.
15. Мавродин В.В. Славянорусское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. // Учёные записки Ленинградского госпединститута им. А.И. Герцена. 1938. Т. 11. С. 7–49.
16. Панькин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты: краткий словарь. М.: Флинта, 2016. 160 с.
17. Пархоменко В.А. Киевская Русь и Хазария (роль хазарского торгового капитала в истории Киевской державы) // *Slavia*. 1927. Т. VI. № 2–3. С. 380–387.
18. Русаков А.Ю., Соболев А.Н. Субстанциально-функциональная теория балканского языкового союза и славянские языки. Доклад к XIV Международному съезду славистов в Охриде, Македония. СПб.: Наука, 2008. 40 с.
19. Сакалиба [Электронный ресурс] // Академик: [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/330964> (дата обращения: 5.08.2018).
20. Тезисы докладов конференции «Языковые союзы в Евразии». М.: Институт языкознания РАН, 2005. 90 с.
21. Тресков И.В. и др. О роли русского языка и русской культуры в развитии языков и культур народов Северного Кавказа / Тресков И.В., Керашева З.И., Кулаев Н.Ф., Туркаев Х.В. // Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа, 1976. С. 201–215.
22. Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Директ-Медиа, 2013. С. 450–469.
23. Эдельман Д.И. К теории языкового союза // Вопросы языкознания. 1978. № 3. С. 110–115.
24. Gusejnow G. Zur Frage des slawisch-kaukasischen Sprachbundes // *Sprache in Geschichte und Gegenwart*. Jena: Friedrich-Schiller-Universität, 1980. S. 139–145.
25. Polák V. K problem lexikalnich shod mezi jazyky kavkazskymi a jazyky slovanskymi (Kriticky a historicky prehled dosavadni prace) // *Listy Filologicke a Pedagogicke*. 1946. ročník 70. S. 23–31.
26. Sandfeld K. *Balkanfilologien. En oversihgt over dens resultater og problemer*. Kobenhavn: Bianco Lunos, 1926. 126 S.
27. Trubetzkoy N.S. Proposition 16. Eber den Sprachbund // *Actes du premier Congrès international de linguistes a la Haye (du 10–15 Avril 1928)*. Leiden: A.W. Sijthoff, 1930. Vol. 1. S. 17–18.

REFERENCES

1. Abaev V.I. Skifo-evropeiskie izoglossy na styke Vostoka i Zapada [Scythian-European isoglosses at the crossroads of East and West]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 168 p.
2. Alekseev M.E. [Caucasian language Union or Caucasian language unions?]. In: Tezisy dokladov konferentsii "Yazykovye soyuzy v Evrazii" [Abstracts of the conference reports "Linguistic alliances in Eurasia"]. Moscow, Institut yazykoznaniiya RAN Publ., 2005. pp. 9–10.
3. Apazhev M.L. Vliyanie russkogo yazyka na kabardinskii. Voprosy leksiki, semantiki, fonetiki: dis. ... kand. filol. nauk [The influence of the Russian language in Kabardian. Questions of vocabulary, semantics, phonetics: PhD thesis in Philological Sciences]. Nalchik, 1963. 152 p.
4. [Balkan linguistics: results and perspectives (proceedings of the Romanian-Russian Symposium, St. Petersburg, 2–3 October 2009)]. In: Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistichekikh issledovaniy [Acta linguistica Petropolitana], 2009, Vol. V, Part 1, pp. 5–338.
5. Vagapov A.D. Nakhsko-slavyanskie leksicheskie izoglossy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Nakh-Slavic lexical isoglosses: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Groznyi, 2005. 19 p.
6. Vagapov A.D. Nakhsko-slavyanskie leksicheskie izoglossy: dis. ... kand. filol. nauk [Nakh-Slavic lexical isoglosses: PhD thesis in Philological Sciences]. Groznyi, 2005. 245 p.
7. Vagapov A.D. Slavyano-nakhskie leksicheskie paralleli [Slavic-Nakh lexical Parallels]. Groznyi, 1994. 191 p.
8. Guseinov G.-R. A.-K. Istoriya drevnikh i srednevekovykh vzaimootnoshenii russkogo yazyka s yazykami narodov Severo-Vostochnogo Kavkaza i Dagestana [History of ancient and medieval relations of the Russian language with the languages of the peoples of North-Eastern Caucasus and Dagestan]. Makhachkala, IP Ovchinnikov Publ., 2010. 214 p.
9. Guseinov G.-R. A.-K. K istorii chechenskoi leksiki (na materiale russko-chechenskikh yazykovykh kontaktov): dis. ... kand. filol. nauk [On the history of Chechen vocabulary (on the material of Russian-Chechen language contacts): PhD thesis in Philological Sciences]. Groznyi, 1979. 178 p.
10. Ivanov Vyach. Vs. [Contacts of Proto-Slavic language with Tochar]. In: Slavyanskoe yazykoznanie. XII Mezhdunarodnyi s»ezd slavistov. Doklady rossiiskoi delegatsii [Slavic linguistics. 12 international Congress of Slavists. Reports of the Russian delegation]. Moscow, Nauka Publ., 1998. pp. 325–330.
11. Klimov G.A. Vvedenie v kavkazskoe yazykoznanie [Introduction to the Caucasian linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 209 p.
12. Klimov G.A. [Caucasian languages]. In: Dagestanskii lingvistichekii sbornik [Dagestan linguistic collection]. Moscow, Academia Publ., 1997. pp. 7–10.
13. Kozhevnikova E.A. [The türkisms in the modern Russian language]. In: Grani poznaniya (elektronnoe periodicheskoe izdanie) [Facets of cognition (e-periodical)], 2009, no. 1(2). Available at: <http://www.grani.vspu.ru> (accessed: 5.08.2018).
14. Koryakov Yu.B. Atlas kavkazskikh yazykov [Atlas of Caucasian languages]. Moscow, Pilgrim Publ., 2006. 76 p.
15. Mavrodin V.V. [Slav-Russian population of the Lower Don and North Caucasus in the 10–14th centuries]. In: Uchenye zapiski Leningradskogo gospedinstituta im. A.I. Gertsena [Scientific notes of the Herzen Leningrad State Pedagogical Institute], 1938, vol. 11, pp. 7–49.
16. Pan'kin V.M., Filippov A.V. Yazykovye kontakty: kratkii slovar' [Language contacts: a brief dictionary]. Moscow, Flinta Publ., 2016. 160 p.

17. Parkhomenko V.A. [Kievan Rus and Khazaria (the role of the Khazar merchant capital in the history of Kievan state)]. In: Slavia [Slavia], 1927, vol. VI, no. 2–3, pp. 380–387.
18. Rusakov A.Yu, Sobolev A.N. Substantial'no-funktsional'naya teoriya balkanskogo yazykovogo soyuza i slavyanskije yazyki. Doklad k XIV Mezhdunarodnomu s»ezdu slavistov v Okhride, Makedoniya [Substantial-functional theory of the Balkan linguistic Union and the Slavic languages. Report to the 14th International Congress of Slavists in Ohrid, Macedonia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008. 40 p.
19. [Sakaliba]. In: Akademik [Academician]. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/330964> (accessed: 5.08.2018).
20. Tezisy dokladov konferentsii "Yazykovye soyuzy v Evrazii" [Abstracts of the conference "Linguistic alliances in Eurasia"]. Moscow, Institut yazykoznanija RAN Publ., 2005. 90 p.
21. Treskov I.V., Kerasheva Z.I., Kulaev N.F., Turkaev Kh.V. [On the role of the Russian language and Russian culture in the development of languages and cultures of the peoples of the North Caucasus]. In: Razvitie yazykov i kul'tur narodov SSSR v ikh vzaimosvyazi i vzaimodeistvii [The development of languages and cultures of the Soviet peoples in their interrelation and interaction]. Ufa, 1976. pp. 201–215.
22. Trubetskoi N.S. [The tower of Babel and the confusion of languages]. In: Trubetskoi N.S. Nasledie Chingiskhana [The Legacy of Genghis Khan]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2013. pp. 450–469.
23. Edel'man D.I. [To the theory of linguistic Union]. In: Voprosy yazykoznanija [Topics in the study of language], 1978, no. 3, pp. 110–115.
24. Gusejnow G. Zur Frage des slawisch-kaukasischen Sprachbundes. In: Sprache in Geschichte und Gegenwart. Jena, Friedrich-Schiller-Universität, 1980. S. 139–145.
25. Polák V. K problem lexikalnich shod mezi jazyky kavkazskymi a jazyky slovanskymi (Kriticky a historicky prehled dosavadni prace). In: Listy Filologicke a Pedagogicke, 1946, ročník 70, S. 23–31.
26. Sandfeld K. Balkanfilologien. En oversihgt over dens resultater og problemer. Kobenhavn, Bianco Lunos, 1926. 126 S.
27. Trubetzkoy N.S. Proposition 16. Über den Sprachbund. In: Actes du premier Congrès international de linguistes à la Haye (du 10–15 Avril 1928). Leiden, A.W. Sijthoff, 1930. Vol. 1. S. 17–18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мугумова Анна Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории русского языка Дагестанского государственного педагогического университета;
e-mail: garun48@mail.ru.

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадирович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета;
e-mail: garun48@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna L. Mugumova – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of Theory and History of the Russian language, Dagestan State Pedagogical University;
e-mail: garun48@mail.ru.

Garun-Rashid A.-K. Guseinov – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of the Russian language, Dagestan State University;
e-mail: garun48@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мугумова А.Л., Гусейнов Г.-Р. А.-К. О языковых союзах в истории древних взаимоотношений русского языка с языками северного Кавказа. историко-лингвистический и ареальный аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 102–112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-102-112

FOR CITATION

Mugumova A.L., Guseinov G.-R. A.-K. About the language unions in the history of ancient relationship of Russian with the North Caucasus languages. Historical linguistic and areal aspects. In: Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2018, no. 5, pp. 102–112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-5-102-112